

Кошелев Александр Иванович

**Конституция, самодержавие и
земская дума**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Иванович К.**
Конституция, самодержавие и земская дума / Кошелев Александр Иванович –
М.: Книга по Требованию, 2026. – 60 с.

ISBN 978-5-519-90835-1

ISBN 978-5-519-90835-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Какъ можно подать голосъ противъ конституціи и за самодержавіе!

Мы знаемъ болѣе дюжины Французскихъ конституцій, столько же Нѣмецкихъ, знаемъ Белгійскую, Испанскую, Итальянскую и нѣкоторыя другія; но Англійской конституціи мы не видали, и никто намъ ее показать не можетъ; потому что, въ Англіи, она составлялась въ продолженіи вѣковъ. постепенно, такъ сказать поштучно, по востребованію обстоятельствъ, по мѣрѣ проявленія народныхъ нуждъ, и заключается въ многочисленныхъ и огромныхъ томахъ собранія билей Англійскаго парламента. А между тѣмъ гдѣ настоящая свобода? Гдѣ дѣйствительно существуетъ конституція? — Франція прошла черезъ всякія ограниченно-королевскія, республиканскія и имперскія конституціи, и наконецъ, по милости этаго конституціоннаго ма-

скерада, достигла такой общественной безнравственности, что уже не вѣрить ни въ какое уложеніе, и въ восторгѣ *de son grand empereur*, котораго произволь есть почти единственный законъ Франціи. — Въ просвѣщенной Германіи, гдѣ въ каждомъ уголкѣ своя конституція, еще такъ мало понимаютъ конституціонализмъ, что Прусскій король могъ, при своей коронаціи, произнести какія то полу-мистическія, полу-пошлыя слова; что теперь офіціальная его газета грозитъ какимъ-то *coup d'état*; и что въ Гессенъ-Касселѣ перемѣна министерства и возвращеніе къ конституціи произошли не самостоятельно, не въ силу внутреннихъ настояній, а по требованіямъ извнѣ. — Италія проходитъ черезъ горячку революцій; а Испанія едва знаетъ какой образъ правленія она имѣетъ. — Белгія же обязана, своею свободою и спокойствіемъ, мудрости своего истинно и глубоко либеральнаго короля и въ особенности двумъ обстоятельствамъ: своей территоріальной ограниченности, своей незначительности въ семьѣ европейскихъ державъ, доставившей ей гарантированный неутралитетъ; и близкому сосѣдству Франціи, всегда готовой, при первомъ замѣшательствѣ, вступить въ Белгійскіе предѣлы для востановленія *порядка*. — Самостоятельно существуетъ свобода только въ Англіи, но

тамъ-то и нѣтъ сочиненной, дарованной или насильемъ взятой конституціи.

Конституція, т. е. государственное уложеніе, есть не слово а дѣло. Она не сочиняется; хотя правда, въ теченіи послѣднихъ семидесяти лѣтъ, мы видѣли столько произведеній по этой части, что можно изъ нихъ составить особый родъ литературы, и сдѣлать его даже темою упражненій для школьниковъ; но что это за конституція? Онѣ никогда не переживали своихъ авторовъ, а иногда и года своего изданія. Конституція безъ корня въ народной жизни, — конституція не развившаяся дома, изъ нуждъ своего народа и своего времени, есть бумага, фразы, общія мѣста, но отнюдь не государственное уложеніе. Нѣтъ никакой причины не мѣнять такой конституціи, ибо сегодня одно сочиненіе нравится, а завтра другое можетъ быть одобрено бѣльшимъ числомъ голосовъ. Государственное уложеніе, достойное этаго имени, должно возникать мало по малу: нѣсколько главныхъ положеній указываются, такъ сказать продиктовываются мѣстными и народными нуждами, и эти основанія потомъ развиваются, опредѣляются, совершенствуются, по востребованію обстоятельствъ и духа народнаго, и, содержа въ себѣ исторію, жизнь народа, они становятся столь же твердыми,

малоизмѣнными, какъ и самое его бытіе. Такое уложеніе есть дѣйствительно коренной законъ для страны — ея твореніе, а не сочиненіе Петра или Θεодора, или собранія депутатовъ, въ которомъ большинство опредѣляется иногда случайно, а иногда и подъ дѣйствіемъ увлеченій или даже корыстныхъ побужденій.

Конституція не даруется; ибо она не должна быть произведеніемъ одной власти, одного государя. какъ бы впрочемъ онъ ни былъ благонамѣренъ и просвѣщенъ. Даже призванные имъ совѣтники не могутъ ему помочь въ этомъ дѣлѣ: людямъ такъ свойственно быть пристрастными къ власти, въ удѣлѣ которой они надѣются участвовать, что они не преминутъ оставить ей какъ можно болѣе простора, а народу дать какъ можно мѣнѣе свободы и участія въ дѣлахъ общихъ. Конституція односторонняя, предоставляющая правительству излишнюю долю произвола, не укрѣпляетъ а ослабляетъ его; ибо она возбуждаетъ противъ него борьбу народа, который, оставаясь не удовлетвореннымъ и не успокоеннымъ, и опасаясь каждую минуту дѣйствій правительственнаго самоуправства, считаетъ долгомъ быть всегда на стражѣ и становится къ правительству въ враждебныя отношенія. Стоитъ вспомнить исторію Французской

charte octroyée (хотя та была и не вполне дарована, а дана до нѣкоторой степени обязательно, по требованію Европейскихъ державъ); стоить подумать о конституціи, дарованной Польшѣ Александромъ I, о томъ какъ она, съ самаго начала, приводилась въ дѣйствіе и какія имѣла послѣдствія; стоить взглядѣться въ нынѣшнюю Прусскую дарованную конституцію, и сказанное нами будетъ очевиднымъ для cadaго. Къ тому же народъ, которому можно даровать конституцію, едва ли достоинъ ее имѣть, и едва ли онъ сѣумѣетъ ее сохранить и ею воспользоваться; а власть, даровавшая такую конституцію, всегда будетъ, если не вправѣ, то въ силахъ, ее по своему истолковывать, измѣнять или даже и вовсе отмѣнить.

Конституція также не берется насиліемъ; ибо народъ какъ бы мудръ и умѣренъ ни былъ, все-таки отмѣнить себѣ такую долю независимости, что при ней никакое правильное и сильное правительство невозможно. Республики возможны только при высокой нравственности гражданъ, каковой, въ наше время, нигдѣ не имѣется; или при крайне ограниченномъ объемѣ земель и прочихъ средствъ. Что касается до *монархій, окруженныхъ республиканскими учрежденіями*, бывшихъ въ модѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нашего

столѣтія, то онѣ существовали только на словахъ, а на дѣлѣ Людви́гъ Филиппъ не только царствовалъ, но и весьма дѣятельно управлялъ Франціею. Правило: *le roi règne, mais ne gouverne pas*, никогда не исполнялось во Франціи, и едва ли, кромѣ Англійской почвы, давшей, по особеннымъ обстоятельствамъ, возможность ему развиться, можетъ гдѣ либо быть приведено въ дѣйствіе. Замѣчательно что и въ Англіи, всѣ важнѣйшія учрежденія, всѣ драгоцѣннѣйшія гражданскія права обязаны своимъ началомъ временамъ мирнымъ; борьбами они были только развиты, утверждены и упрочены.

Иѣтъ! государственное уложеніе должно быть твореніемъ общимъ государя и народа, дѣломъ времени и мѣстныхъ потребностей. Никакой человекъ — самый геньяльный, никакое собраніе, составленное изъ лучшихъ людей страны, не въ состояніи сочинить уложеніе: оно должно быть плодомъ народной жизни. Всякое сочиненное уложеніе налагаетъ оковы на ея проявленія, можетъ изказить ее и возбудить борьбу между жизнью, требуемою народнымъ духомъ, и тою, которая устанавливается этимъ сочиненнымъ закономъ. Уложеніе должно быть слѣдствіемъ народной жизни, а не правиломъ, не формулою для нея. При этихъ только условіяхъ, оно надежно, твердо и благотѣльно.

Нѣкоторые конституціоналисты были особенно оскорблены тѣмъ, что мы рѣшительно высказались противъ двухъ палатъ, съ искусственнымъ уравниваніемъ властей и съ превращеніемъ государя въ царственную куклу. — Мы чрезъ то не думали утверждать, что въ Россіи должна быть непременно одна палата: быть можетъ у насъ установятся палаты и въ множественномъ числѣ; этотъ вопросъ второстепенный и разрѣшится впослѣдствіи. Но мы хотѣли высказать только то: что у насъ борющихся, какъ на Западѣ, элементовъ аристократическаго и демократическаго — нѣтъ; что потому не предстоитъ надобности заниматься уравниваніемъ этихъ двухъ общественныхъ стихій; и что у насъ, нѣтъ необходимости государю быть безстрастнымъ лицомъ, удерживающимъ въ равновѣсіи эти двѣ вѣчно враждующія силы. Мы глубоко убѣждены, что въ Россіи народъ единъ и долженъ оставаться таковымъ; что всякій изъ него выдѣляющійся обрѣкаетъ себя на уединеніе и безсиліе; что сословія у насъ не то, что на Западѣ, такъ сказать отдѣльныя государства въ государствѣ, а только подраздѣленія одного и того же цѣлаго, по роду занятій и интересовъ; что люди должны имѣть возможность свободно переходить изъ одного сосло-

вія въ другое; и что государь долженъ быть нашимъ главою, такимъ же дѣятелемъ, такимъ же человекомъ какъ и всѣ мы. Требуемое конституціонализмомъ обезчеловѣченіе государя, есть мысль занятая у Англіи, безъ разсмотрѣнія, безъ достаточнаго ея обсужденія, и не составляетъ вовсе *conditio si ne qua non* свободы и обезпеченности гражданъ. Во 1-хъ и въ Англіи, это обезчеловѣченіе государя есть болѣе юридическая фиксія чѣмъ дѣйствительный, непремѣнный фактъ: правда, теперь королева Викторія, какъ женщина очень рада быть освобожденною отъ дѣловой отвѣтственности, — правда, многіе изъ ея предмѣстниковъ не любили и не способны были заниматься дѣлами, и потому охотно предоставляли своимъ министрамъ, вмѣстѣ съ парламентомъ, заправлять государственныя дѣла; но и тамъ были дѣятельные государи, которые, не имѣя возможности дѣйствовать прямо, достигали своей цѣли интригами и подкупами. *Chassez la nature par la porte, elle revient par la fenêtre.* А во 2-хъ и это главное: если законы соотвѣтствуютъ потребностямъ народа и въ немъ укоренились; если общественное мнѣніе сильно и общественная нравственность тверда; то государь, съ своими совѣтниками, не можетъ посягнуть на независимость гражданъ и на ихъ собственность.

Если же законы составлены случайно, почерпнуты изъ теоріи, не имѣютъ твердой основы въ народѣ; если общественнаго мнѣнія нѣтъ или оно еще дремлетъ, а общественная нравственность слаба и спотыклива; то нарушить законы легко и безопасно даже для государя, только царствующаго а не управляющаго: всегда найдутся люди готовые контрасигнировать высочайшія повелѣнія, или палаты, подкупаемыя деньгами, мѣстами, званіями и пр., способныя большинствомъ голосовъ утверждать правительственные проекты. Сверхъ того, требуемое, такъ называемымъ конституціонализмомъ, обезчеловѣченіе государя противно духу нѣкоторыхъ народовъ, и потому, въ этихъ странахъ, оно почти и невозможно: такъ оно не можетъ осуществиться во Франціи, гдѣ государь-машина никогда не удержится на престолѣ, и гдѣ можетъ царствовать только человѣкъ, внушающій народу, тѣмъ или другимъ, къ себѣ уваженіе; такъ въ Италіи, странѣ, гдѣ люди несравненно сильнѣе отвлеченностей, дѣйствительная общественная сила всегда будетъ сосредоточена въ лицахъ, и Итальянскій парламентъ останется послушнымъ орудіемъ въ рукахъ того, кто пріобрѣтетъ любовь народную, олицетворяя въ себѣ желанія страны. Такъ, и еще въ несравненно высшей степени, невозможенъ въ

юной, мощной и до крайности пространной Россіи, государь осужденный на бездѣйствіе и ничтожность. Нѣтъ! у насъ государь долженъ быть лицомъ живымъ, самостоятельнымъ, настоящимъ главою нашей общины; инаго царя народъ не потерпитъ, и всякіе юридическіе вымыслы къ его обезчеловѣчію, сокрушатся предъ Русскимъ здравымъ смысломъ.

Но, при такомъ царѣ, возможны ли строгое исполненіе законовъ, свобода гражданъ и полезное дѣйствіе Земской Думы? Мы глубоко убѣждены, что все это у насъ возможно только при Царѣ, какъ мы его очертили выше. Произволъ вездѣ имѣетъ поле дѣйствія довольно значительное: это неизбежно. Въ Англіи, временемъ и обычаемъ освящены для него нѣкоторыя формы, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ министерство дозволяетъ себѣ отступленія отъ закона, нарушенія его, но при собраніи парламента, оно всегда испрашиваетъ себѣ отпущеніе этаго грѣха, т. е. *indemnity bill*. У насъ еще нѣтъ никакихъ формъ для правильнаго дѣйствія правительства; оно должно ихъ устанovitъ, иначе Дума, вмѣсто того чтобы заниматься дѣломъ, протратитъ много времени и силъ на пустыя пренія; достаточно чтобы эти пути прокладывались, чтобы эти способы устанавливались въ глазахъ Думы и подъ вліяніемъ ея присутствія.